

Key words: associativity, introspection, reminiscence.

Нарастание бессюжетности – тенденция современной литературы и отличительная черта психологической прозы. В повести В. Потанина «И час настал...» нет сюжета в традиционном его понимании как «художественно-целесообразной системы событий». Юбилей – исходный эпизод-событие повести, определивший развитие внутреннего сюжета, основанного на ассоциативных связях.

Василию Петровичу Морозову, бывшему сотруднику районной газеты – 60 лет. Для героя это тот самый рубеж, за которым «голубушка-старость», «пустота-одиночество»: «Но как жить, как сохранить душу свою на наших ветрах?». Поэтому и «нервишки в последнее время на полном поле», и мучит «главный, самый тяжелый вопрос»: «Для чего ты вообще живешь, точней, доживаешь?». Повторы союзов «а», «но» подчеркивают состояние человека, страдающего от одиночества и ненужности: «Время было еще раннее, но на многих столбах уже зажглись фонари. От них шло ровное, успокаивающее сияние, но на душе все равно сумрак и траур» [1, с. 7].

Горькая самоирония героя раскрывается через антитезу «табачный дым» – «нервишки». Повторяющиеся образы – «дым», «вода» – символизируют быстротечность человеческой жизни: «А что подделаешь, – время ведь как вода и не удержишь ее в ладонях, все равно убежит меж пальцев» [1, с. 21]. Антитеза «сигареты – таблетки» – вводится в ассоциативный поток значений ключевых слов автора и героя (жизнь и смерть) и приобретают дополнительные «личностные смыслы». Авторская ремарка «Курил Василий Петрович всю жизнь, – дурная, конечно, привычка, но бросить не мог» становится косвенной оценкой жизни героя, полной печалей и переживаний. «Перекур» останавливал, успокаивал и во время командировок и постоянных авралов в редакции районной газеты, где «умирал на работе Василий Петрович». А сейчас, когда «вокруг безлюдье, пустота, одиночество», может ли горсть таблеток от бессонницы стать спасением от мучительного, страшного «ожидания конца»? «И сразу прощай все страхи, мучения, и ты заснешь навсегда – вот и делов-то...», – шепотом уговаривает себя Морозов [1, с. 13]. В сознании героя возникает оппозиция «бездна – небо» – «отчаяние – надежда». «Маленький пустычок – таблетки» тянули в бездну, а «звезды уже почти касались земли и словно хотели что-то сказать ему, а может, утешить».

Для психологической прозы характерны эпизоды – интроспекции (от лат. *introspectare* – смотреть внутрь). «В отличие от сценического эпизода, в интроспекции нет диалога между персонажами либо он играет незначительную роль, являясь толчком для размышлений героя. Основное место занима-

УДК 821.161.1.09.-1

И.М. Жукова
*Курганский государственный университет,
Курган*

АССОЦИАТИВНОСТЬ В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ПОВЕСТИ В. ПОТАНИНА «И ЧАС НАСТАЛ...»

Аннотация. *Статья представляет исследование роли ассоциативных связей слов в формировании художественного образа в повести В. Потанина «И час настал...».*

Ключевые слова: ассоциативность, интроспекция, реминисценция.

I.M. Zhukova
Kurgan State University, Kurgan

ASSOCIATION IN THE POETIC PICTURE OF THE WORLD OF THE STORY OF V. POTANIN «AND THE TIME HAS COME ...»

Abstract. *The article presents the research of the role of associative connections of words in the formation of an artistic image in V. Potanin's story «And the time has come ...».*

ет воссоздание мыслей и чувств персонажа, переданное либо от третьего лица, либо с помощью внутреннего монолога (взятого в кавычки), либо в форме несобственно-прямой речи. В таком эпизоде время и пространство ментального события обозначено конкретно, как и в сцене. При этом может указываться, что подобные мысли и раньше волновали героя, что они составляют привычный в течение продолжительного времени комплекс его переживаний. Иначе говоря, интроспекция частично сходна с итеративом, то есть с описанием повторяющихся состояний» [2, с. 25].

Герой В.Ф. Потанина ведет постоянный внутренний полемический диалог. Анализ интроспекций позволяет выявить ряд свободных мотивов, которые переходят в контрастные лейтмотивы: «Радость до нас дотронулась через горе» [1, с. 21]. Оппозиции «радость – горе», «тьма – свет» определяют границу между жизнью и смертью. Воспоминаниям о буднях районного газетчика и размышлениям Василия Петровича о современной жизни сопутствуют мотивы безвыходности, отчаяния: «Ведь нельзя жить так, как живешь, ведь нужно жить для чего-то, чтобы был смысл и итог. А у тебя – ничего, пустота и впереди – пустота да болезнь все равно доконает. Так что выход один – таблетки...» [1, с. 26]. Герой – Правдолюб, а «правда никому не нужна»: «у всех в голове только деньги, да и книг никто не читает. Даже от личных библиотек избавляются, выбрасывают книги прямо в сугроб, на помойку. И не стыдно, не страшно. Ведь даже Пушкин не нужен – и его, родного, туда же – в большое мусорное ведро и за дверь. И никто не прекратит это зло, беспредел» [1, с. 11]. Взаимопроникновение голосов героя и автора через несобственно-прямую речь обусловлено их отношением к книге как к главному критерию нравственности человека. «Повесть о настоящем человеке» напоминает Василию Петровичу о главе района, депутате Завьялове, требовавшем «вылепить из него Мересьева»: «Вот и ты распиши, размалюй меня, как матрешку, – я разрешаю. А люди наши поверят, они любят героев» [1, с. 38].

Однако, на наш взгляд, повесть «И час настал...» не о старости и об одиночестве, а о духовном возрождении человека. Ключом к пониманию авторской позиции является посвящение: «Светлой памяти Валентина Распутина». Герой В.Ф. Потанина, как и герои В.Г. Распутина, стремится найти выход из духовного тупика. Что спасет человека от «тьмы и безнадёги»? Горсть таблеток? Поездка в Михайловское? Память сердца о жене Любушке и приемыше Ванечке? Молитва? Материнская охранительная и спасительная сила.

Автор вместе с героем ищет способ вырваться «из пустоты и черной ямы», из трясины отчаяния. Василий Петрович пытается угадать будущее, гадая на своем дневнике, как Пушкин на Библии: «И все на свете проходит, и снова жизнь и весна...». Читая дневник, Морозов вспоминает, как мечтал съездить с сыном Ванечкой в

Михайловское к Пушкину: «Ведь у всех православных есть такая мечта, – одни хотят побывать у гроба Господня, другие поклониться могиле поэта, а он для них – такой же святой. И когда побываю в Михайловском, то возьму горстку земли с этой могилы и вложу ее в ладанку, которую носят у сердца. А потом подрастет наш сынок, и мы соберем его в первый класс. И вот тогда я вручу ему ладанку, и она будет у него рядом с нательным крестиком. Господи, дожить бы до этого дня...» [1, с. 18]. Однажды его самая большая мечта сбылась – он съездил к Пушкину, к «кумиру и святому». «И вот снова – весна, снова цветет черемуха, снова его друг собирается к Пушкину. Господи, ну почему все повторяется, почему жизнь проходит, а мечты остаются?» [1, с. 43]. Школьный друг, Николай Иванович, напоминает Василию Петровичу школьное прозвище – Васек Трубачев: «Помнишь, книга так называлась – «Васек Трубачев и его товарищи». Убеждает друга вспомнить о книге: «На могиле поэта в Михайловском не клялся, божился, что напишешь свою книгу о земляках».

Пушкинские реминисценции становятся средством характеристики настроения героя и приемом создания лирического сюжета. Если на юбилее в редакции настроению Морозова соответствовала пушкинская элегия:

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты, –
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты... [1, с. 8].

То поздравление друга, его напоминание о клятве, о пророчестве старушки-гадалки в Михайловском («будешь, мол, долго в слезах, а потом оживешь») находят поддержку в любимом героем пушкинском стихотворении:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись.
День веселья, верь, настанет... [1, с. 41].

Сны, дневниковый фрагмент «Жизнь нашего Ванечки, описанная отцовской рукой», реминисценции расширяют сюжетный мир повести, пробуждают дорогие сердцу Василия Петровича воспоминания о веселом, как ручеек, приемыше Ванечке, о жене Любушке, о матушке.

Слова «время», «жизнь», «река» образуют систему содержательных связей, объединяют ситуации, возникающие в памяти или в воображении героя в единый «поток сознания». «Льдинки», «ручеек», «река», «половодье», «океан» – образы, соединяющие в единый поток воспоминания и размышления Морозова с авторским повествованием о пути героя из тьмы и бездны к свету и к небу.

«Река», сохраняя прямое значение, река Тобол, объединяет в себе такие метафорические значения, как «время», «прошлое», «обратный ход времени», «память и забвение», «граница между живыми и мертвыми», «жизнь и смерть», «радость и горе». Морозов вспоминает глаза при-

емыша Ванечки: «Глазенки играют, потому что каковы глаза – такова и душа. А они у него, как синие льдинки» [1, с. 19]. Но «синие льдинки» растворяются в весеннем льду Тобола. «Отзвенел ручеек», провалился сынок под лед. Весеннее половодье унесло Ванечку в океан: «Унесло, схоронило, и теперь его худенькое тельце таится где-то в холодных глубинах, а может, уж ничего от этого худышки не осталось – только душа» [1, с. 10]. Глаза у Ванечки «синие, как льдинки. Но лучше сказать, как искорки – и также горят и мерцают...» [1, с. 20]. А потом, в ночь после юбилея, искорка, горящая и мерцающая в «особенных, почти человеческих» глазах теленка напомнила о Ванечке, о душе: «Не осуждай меня, миленький. Я просто устал ждать, я измучился. Вон Пушкин нашел спасенье на дуэли, а я...а я...» – Он опять близко-близко наклонился к теленочку и вдруг увидел на лбу его пятнышко-звездочку [1, с. 16]. Искорка – звездочка – душа – молитва, как птичка-синичка соединяют в сознании героя вечное и временное, явь и видения, сны и «печаль на душе».

Сны являются особенностью интроспективного повествования. Время останавливается, и память, как метель, кружит, уносит героя в прошлое, дает возможность встретиться с матерью, покаяться ей в грехах и услышать от нее мольбу-убеждение: «И голос пропал. Но потом снова вернулся, но теперь уже совсем тихий, невнятный. Но он все равно понял каждое слово, потому что эти слова царапали сердце. Ведь мать умоляла: «А тебе, сынок, надо молиться. Надо много молиться, чтоб заслужить прощение...» [1, с. 51].

Так устанавливаются новые «тайные» связи между образами собственного сознания героя: искорки – звезды – лунный свет – рассвет – икона – огонек в окне соседки Ольги Ивановны: «И горел так ярко, настойчиво, что даже улица от него посветлела и ожила» [1, с. 52]. Система ассоциативных связей определяет развитие внутреннего сюжета повести и раскрывает «диалектику души» потанинского героя, его путь от тьмы и одиночества к свету и к людям: «Ну быстрее же! Быстрее же, родные! Я вас не брошу, я помогу... Мой час настал!».

Список литературы

1 Потанин В. Ф. *И час настал... : избранные повести / [послесл. В. Лихоносова]. – Курган : Курганская городская типография, 2017. – 415 с.*

2 Десятникова А. В. *Об эпизодах-интроспекциях в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»*. URL: www.gramota.net/materials/2/2016/10-2/5.html

References

1 Potanin V. *I chas nastal... : izbrannyye povesti [And the hour has come ... : Selected stories]. Kurgan, Kurgan city printing house, 2017. 415 p. (in Russian).*

2 Desjatnikova A.V. *Ob jepizodah-introspekciyah v romane L.N.Toistogo «Anna Karenina» [On the episodes-introspection in Leo Tolstoy's novel «Anna Karenina»] (in Russian)*. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/10-2/5.html> (accessed 20.03.2018).